

или повышенная немотивированная агрессия к незнакомым интернет-собеседникам [6, с. 163].

Ошибочное использование филологического термина. Неверное использование научных терминов в ряде случаев свидетельствует о непонимании автором их истинного значения. Так, слово «дракон» в статье «ГСР» классифицируется как *междометие*, хотя в самом авторском примере использовано в функции обращения:

«Чорт, бес, броня, дракон – *междометия*, используемые в сложных сюжетах, в крайне взволнованном состоянии, когда контроль ускользает из рук. Например: «Ты чо, дракон, а?» («ГСР»).

По-видимому, термин *междометие* для составителя данной статьи является агнонимом. Классификация элементов однородного ряд «чорт, бес, броня, дракон» как междометий свидетельствует, что в автор имеет «представление только о том, что слово обозначает нечто относящееся к определенной весьма широкой сфере» [8, с. 192 – 193].

Выводы

Итак, в ходе исследования специфики употребления филологических терминов в языке интернет-энциклопедии «Луркоморье» был проведен их качественно-количественный и контекстуальный анализ, с помощью которого были эксплицированы следующие функции терминов: прямая номинация, имитация научного стиля, создание языковой игры и шиболет-тест. Необходимо еще раз отметить следующий факт: несмотря на то что авторы интернет-энциклопедии опираются на терминологический аппарат, который должен быть известен им (и читателю) со школьной скамьи, в ряде случаев они допускают грубые лексические ошибки, связанные с плохим знанием или агнонимичностью некоторых филологических терминов.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

2. Большакова И.Г. О социальной роли метода тестов в истории человечества и в современном обществе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 7. №3. С. 149–158.

3. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М., 2005.

4. Грачев М.А. От Ваньки Каина до мафии. СПб., 2005.

5. Ефремов В.А. О новых формах наивной лингвистики в эпоху интернета // Антропологический форум. 2014. № 21. С. 74–81.

6. Ефремов В.А. Русский язык в Интернете // Октябрь. 2013. № 5. С. 71–76.

7. Зайковская И.А. Ассоциативно-семантический потенциал и текстовые реализации лексической парадигмы «словарь»: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011.

8. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М., 1997.

References

1. Ahmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, 1966.

2. Bol'shakova I.G. O social'noi roli metoda testov v istorii chelovechestva i v sovremennom obshchestve [About a social role of a method of tests in the history of mankind and in modern society]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [The Bulletin of the Leningrad state university of A.S. Pushkin], 2011, T. 7, №3, pp. 149–158.

3. Vepreva I.T. *Yazykovaya refleksiya v postsovetskuyu ehpu* [Language reflection during Post-Soviet era]. Moscow, 2005.

4. Grachev M.A. *Ot Van'ki Kaina do mafii* [From Vanka Cain to mafia]. SPb., 2005.

5. Efremov V.A. O novykh formah naivnoi lingvistiki v ehpu interneta [About new forms of naive linguistics during an Internet era]. *Antropologicheskii forum* [The Anthropological forum], 2014, № 21, pp. 74–81.

6. Efremov V.A. *Russkii yazyk v Internetе* [Russian on the Internet]. October, 2013, № 5, pp. 71–76.

7. Zaikovskaya I.A. *Associativno-semanticheskii potencial i tekstovye realizacii leksicheskoi paradigmy «slovar'»* [Associative and semantic potential and text realization of a lexical paradigm "dictionary"]. Dr. dis. St. Petersburg, 2011.

8. Morkovkin V.V., Morkovkina A.V. *Russkie agnonimy (slova, kotorye my ne znaem)* [The Russian agnonima (words which we don't know)]. M., 1997.

УДК 070.422.2

И.О. Капустина

*Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор И.Л. Волгин
Московский государственный университет*

КРИТИКА ЖУРНАЛА В.В. КАШПИРЕВА «ЗАРЯ» В СОВРЕМЕННОЙ ПЕЧАТИ (НА ПРИМЕРЕ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»)

В статье рассматривается журнал В.В. Кашпирева «Заря» в оценке современной печати (на примере «Отечественных записок»). Выход журнала, относящегося к позднему славянофильству, не прошел незамеченным. В статье также рассматриваются значимые работы, опубликованные в «Заре» и отмеченные критикой «Отечественных записок»: сочинение «Россия и Европа» Н.Я. Данилевского и диссертация «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» В.И. Ламанского.

Кашпирев, «Заря», «Отечественные записки», славянофилы, западники.

The article deals with Kashpirev's journal "Zarya" assessment in the modern press (in the publications of the "Otechestvennie zapiski"). The publication of the journal belonging to the late slavophilism did not remain unnoticed. The article also discusses sig-

nificant works published in "Zarya" and noted by critics of "Otechestvennye zapiski": work "Russia and Europe" by H.Ya. Danilevsky and dissertation "On the historical study of Greco-Slavic world in Europe" by V.I. Lamansky.

Kashpirev, "Zarya", "Otechestvennye zapiski", slavophiles, *westernizers*.

Введение

Издатель журнала «Заря» В.В. Кашпирев не имел литературного и редакторского опыта, но обладал огромным энтузиазмом и бесконечной верой в свое начинание. Ради журнала Кашпиреву даже пришлось заложить свое имение – ему непременно хотелось подарить России ежемесячник, которого, по его мнению, до тех пор не было [10].

Несмотря на недолгую жизнь издания («Заря» просуществовала чуть больше трех лет), журнал обладал ярким отделом критики и поместил на свои страницы немало заметных произведений. По своему направлению «Заря» относилась к позднему славянофильству. Так, Ф.М. Достоевский видел в ней продолжательницу дела «Времени» и «Эпохи». Не имея на тот момент собственного издания, он активно принимал участие в судьбе «Зари».

Конечно, журналы, не разделявшие направления «Зари», восприняли ее выход неблагоприятно. Для примера мы возьмем издание из противоположного «лагеря»: демократический журнал Некрасова «Отечественные записки». В статье рассматриваются следующие произведения, опубликованные в «Заре» и отмеченные критикой «Русского Вестника» и «Отечественных записок»: сочинение «Россия и Европа» Н.Я. Данилевского и диссертация «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» В.И. Ламанского.

Итак, в первый же год своего существования учено-литературный и политический журнал «Заря» поместил на свои страницы одно из выдающихся произведений русской политической мысли XIX в. Речь идет о «России и Европе» Н.Я. Данилевского, которая представляла собой наиболее значительное сочинение славянофилов. Книга, позже выпущенная отдельным изданием, стала заметным явлением в русской политической мысли. «Россия и Европа» была опубликована в «Заре» в виде серии статей в 1869 г. №1–6, 8–10 (в каждом номере печаталось по две главы).

Отметим, что Н. Я. Данилевский завершил работу над «Россией и Европой» еще в начале 1868 г. Однако при опубликовании произведения он столкнулся с трудностями. Как вспоминал критик «Зари» Страхов, журналы просто не стали бы печатать такое произведение у себя: «...Ни один из тогдашних журналов не согласился бы принять сочинения, писанного в таком духе, как "Россия и Европа". Поэтому была сделана только попытка найти место в "Журнале Министерства народного просвещения", хотя в таком случае на внимание публики рассчитывать уже не приходилось» [12, с. 16]. Данилевскому помог счастливый случай: в свет начал выходить журнал «Заря». «Как раз в это время ревностный любитель литературы В. В. Кашпирев решил издавать новый ежемесячный журнал "Зарю" и звал меня в сотрудники. Николай Яковлевич очень радовался... с первой же книжки "Зари" 1869 года стали появляться в ней последова-

тельные главы "России и Европы", и в течение года вся книга была напечатана в журнале», – впоследствии рассказывал Страхов об истории печатания знаменитого произведения Данилевского [13, с. 27–28].

Публикация произведения не прошла незамеченной. Вначале, как писал В. С. Соловьев, выступивший в этом вопросе заодно с либералами-западниками, "все компетентные люди" признали труд Данилевского "за литературный курьез", не заслуживающий сколько-нибудь серьезного критического разбора; затем, когда, благодаря усилиям Н. Н. Страхова, "Россия и Европа" вышла отдельной книгой в 1871 г., против сочинения Данилевского выступила вся либеральная печать с "Вестником Европы" во главе. Тон задавали высказывания В. Соловьева, назвавшего теорию Данилевского "ползучей теорией"; сам же Данилевский порицался за отсутствие нравственного отношения «к прочим народам и к целому человечеству» [2, с. 560–561].

Отметим, что «Заря» ревностно относилась к произведениям, опубликованным на ее страницах. В полемике с «Русским вестником» (также публиковавшим критическую статью на «Россию и Европу») «Заря» защищала сочинение Данилевского. Очевидно, что такое трепетное отношение было вызвано единым направлением журнала и произведения, хотя «Заря» это и отрицала. Так, в №7 от 1869 года «Заря» уверяла, что произведение Данилевского достойно внимания читателей своей новизной и оригинальностью в вопросах, интересующих каждого русского человека, а вовсе не тем, что оно «более или менее совпадает со взглядами славянофилов» [6, с. 152].

Неудивительно, что наиболее резкие высказывания о «России и Европе» принадлежат демократическим журналам и противникам славянофильства. Одним из таких изданий были «Отечественные записки» Некрасова, которые опубликовали обширную критическую статью уже после выхода «России и Европы» отдельной книгой в 1871 году.

В № 5 за 1871 г. в рубрике «Новые книги» «Отечественные записки» разбирали сочинение «Россия и Европа» Данилевского и диссертацию «Об историческом изучении греко-славянского мира к германороманскому» Ламанского. Интересно, что добрая половина критической статьи отдана порицанию славянофильства и лишь во второй части автор вспоминает о работах Данилевского и Ламанского. Критик рассуждает о минусах славянофильства. «Усердные друзья опаснее врагов», – пишет критик «Отечественных записок». Казалось бы, чем может не понравиться учение, в основе которого лежит любовь к Отечеству, видение особого пути его развития, индивидуальности и т.д.? Конечно, любой мыслящий человек согласится с этими утверждениями. Но зачем нужно славянофильство как отдельное учение, – удивляется критик. Чему его можно противопоставить? Ведь каждая партия должна иметь партию-антипода [9, с. 73–74].

Итак, славянофилы противопоставляют себя западникам. Однако их ценности также присущи и западникам. «Найдите хоть одного западника, который не любил бы родины, славян...», – отмечает критик «Отечественных записок». По его мнению, славянофилы разделяют всеми известное мнение, при этом отделяя себя от всего остального общества и уверяя, что число их единомышленников весьма мало, а западники считают их всего лишь «горстью беснующихся» [9, с. 74].

На протяжении статьи автор неоднократно повторяет, что не имеет ничего против выставления напоказ «светлых задатков народности», однако, славянофилы не ограничиваются этим, постоянно твердя о гниении Запада и отрицая в нем любые хорошие черты. В то же время все русское, славянское предстает в их глазах образцовым и блестящим. В этом отсутствует здравый смысл и логика. Также автор обвиняет славянофилов в двойных стандартах. Так, если реформа им не нравится, и она позаимствована с Запада, то славянофилы будут кричать об «обезьянничестве», а если реформа придется им по душе, то не составит труда найти массу доводов о том, что нововведение вполне соответствует славянским традициям и что в допетровской Руси уже были подобные задатки, да не успели осуществиться [9].

Стоит признать, что славянофилы действительно обладали неприязнью к инакомыслию и не принимали альтернативных точек зрения. Например, славянофилы вовсе не были согласны с утверждением, что западники и либералы могут любить Родину. У Достоевского можно найти много резких заявлений о либералах, в том числе и о ненависти либералов к России: «Русский либерализм не есть нападение на существующие порядки вещей, а есть нападение на самую сущность наших вещей...на самую Россию. Мой либерал дошел до того, что отрицает самую Россию, то есть ненавидит и бьет свою мать...Он ненавидит народные обычаи, русскую историю, все...свою ненависть к России принимает за самый плодотворный либерализм» [4, т. 9, с. 277].

При исследовании проблемы взаимоотношений западников и славянофилов, обращает на себя внимание то, что каждая из сторон приписывала своим идейным противникам определенный набор качеств. Но действительно ли все славянофилы не признавали успехов стран Западной Европы и отрицали прогресс? Правда ли, что западники слепо поклонялись западным идеям и презирали все русское? Обратимся к истории вопроса.

При обращении к истории западничества и славянофильства стоит помнить, что сами названия этих направлений случайны и неточны, они родились в салонной полемике. Это немаловажный факт, осложнивший впоследствии восприятие их учений русской общественностью, отмечает исследователь данной проблемы Н. Цимбаев. Так, славянофилам приписывали неприязнь к Западной Европе, ксенофобию, национализм. Западников же обвиняли в слепом преклонении перед Западной Европой, отсутствии чувства национальной гордости. В конце 1870-х гг. участник споров западников и славянофилов, мемуарист В. Анненков отмечал: «Не очень точны

были прозвища, взаимно даваемые обеими партиями...но мы сохраняем эти прозвища потому, что они сделались общеупотребительными, и потому, что лучших отыскать не можем...» [14, с. 329].

Таким образом, эти «прозвища» не выражали точной сущности направления. Западники не отвергали исторических условий, дающий особенный характер цивилизации каждого народа, а славянофилы не были приверженцами установления неподвижных форм для науки и искусства. Однако устойчивое восприятие их именно в таких узких рамках вызвало немало проблем и непонимания как в полемике XIX века, так и в современном восприятии.

Итак, переходя к произведению Данилевского, критик «Отечественных записок» очерчивает его основную мысль: Россия и Европа слишком разные, отсюда и естественным образом возникает конфликт. Данилевский пишет о том, что Россия не ведет завоевательную политику и является мирной державой. Чтобы доказать свою мысль, Данилевский использует подмену понятий. Так, Данилевский дает слову «завоевание» следующее значение: порабощение народности вопреки ее желанию быть свободной и единой. Если же такого порабощения нет, то нет и завоевания. Например, у Швеции Россия не отняла шведской земли, а забрала лишь Финляндию. Финны народ неисторический, о самостоятельности не думающий, так что и завоевания никакого нет. Что же касается Польши, то это также не завоевание, а лишь мечта юности Александра I – «загладить проступок своей великой бабки» [9, с. 79]. Конечно, это совершенно бездоказательные утверждения, поэтому неудивительно, что именно за них зацепился критик «Отечественных записок».

Критика также возмущил тот факт, что Данилевский уверен в отсутствии единой мировой цивилизации, (он считал, что существуют культурно-исторические типы, сменяющие друг друга (римский, греческий и т.д.)), но совершенно не против технического развития в России по западному образцу (телеграфы, железные дороги и т.п.) Критик «Отечественных записок» видит в этом принципиальное противоречие («раз вы уступили на один вершок, вы должны немедленно уступить все»). Общечеловеческая цивилизация существует, иначе как назвать такие блага, которыми пользуется весь человеческий род? [9, с. 79].

В этой же статье «Отечественных записок» обсуждается еще одно произведение, впервые опубликованное в «Заре», но на год позже. Речь идет о докторской диссертации «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» Владимира Ивановича Ламанского. Она также была выпущена отдельной книгой в 1871 году.

Главной идеей культурно-исторических воззрений В.И. Ламанского было научно обоснованное противопоставление греко-славянского, восточно-христианского мира миру германо-романскому, католическо-протестантскому. Ламанский обосновывает теорию о греко-славянском мире как самостоятельном объекте изучения, критикует принятую систему построения всеобщей истории, разоблачает ненаучность нигилистических воззрений на славянство

как на нечто низшее по сравнению с народами романо-германскими, господствующую у германцев (немцев), отчасти и у романцев [8]. Отметим, что в круг людей, с которыми В.И. Ламанский был связан тесными научными и непосредственными человеческими отношениями, входили Н.Н. Страхов, Н.Я. Данилевский, Ф.М. Достоевский, Ап. Н. Майков, византист Ф.И. Успенский, К.Н. Бестужев-Рюмин [8].

На критика «Отечественных записок» Ламанский произвел еще более удручающее впечатление, чем Данилевский. Основная претензия к нему заключается в том, что Ламанский в своей докторской диссертации собирает критику немецких писателей, высказывающихся против славян, и опровергает их. Критик обвиняет Ламанского в ненаучном подходе и в неуместном выборе темы. Поскольку личное мнение писателей не может быть состоятельно перед ученой критикой, то они не могут составлять сам предмет критики. Это также курьезно, как написать опровержение мнения турок о том, что все христиане собаки. Критик обвиняет Ламанского в отсутствии чувства народного достоинства, раз он унижает себя опровержением нелепых мнений, не заслуживающих внимания. Такими подробными разборами Ламанский лишь возвышает своих противников и их абсурдные мнения. В заключении критик отмечает, что подобными публикациями славянофилы лишь опешляют славянский вопрос и отгоняют от себя потенциальных сторонников [9].

Добавим, что Петербург довольно прохладно относился к славянофильскому вопросу (весьма резко выставленному г. Ламанским); москвичи же уверяли, что диссертация в Москве возбудила бы намного больше и возражения, и одобрения. В самом деле славянофильство гораздо крепче утвердилось в Москве, и оно ближе принималось к сердцу и друзьями и врагами; в здешний же столице книга В.И. Ламанского не произвела того впечатления, которого можно было ожидать, подчеркивает историк славяноведения А.Н.Пыпин [11].

Магистерская диссертация В.И. Ламанского, если и не получила сильного общественного резонанса (поскольку в XIX в. диспуты были публичными и собирали обыкновенно не только специалистов, но достаточно широкую интеллигентскую аудиторию) и не имела шумного успеха, то причиной того явилась новизна идей, смелость подхода и общей концепции, предложенной молодым исследователем [11]. Тем не менее, как отмечает ученик Ламанского К.Я. Грот, в узких кругах диссертация произвела глубокое впечатление и послужила «заделом» для следующих поколений. «Он, несомненно, принадлежит к тем избранным, редким людям, которых жизнь и деятельность представляют и знаменуют целую эпоху, которые не успевают...пожать плоды своих усилий, которые обыкновенно остаются не оцененными и не признанными в настоящем, но сознательно готовят почву и работают для будущего своей Родины», — вспоминал Грот о своем учителе [3, с. 209–210].

В № 5 за 1872 год «Отечественные записки» в рубрике «Литературные и журнальные заметки» (в лице Н.К. Михайловского [1]) вновь возвращаются к

славянофильскому вопросу. На этот раз обсуждается отсутствие свободной мысли у славянофилов. Как считает критик, славянофилы отказались от свободной мысли по отношению к жизни европейской и древнерусской и признают законными только две рубрики: западничество и славянофильство. Рупором славянофилов осталась лишь «Заря». Впрочем, и она теперь не журнал, а труп, «хотя наружность журнала сохранила и после смерти», — отмечают «Отечественные записки». Здесь журнал проводит любопытный анализ содержания «Зари» [7, с. 65]. Однако, интересно, что к этому времени «Заря» не выходила в свет уже три месяца. Журнал перестал существовать в марте 1872 г. По-видимому, «Отечественные записки» не так пристально следили за обстановкой в современной прессе.

Итак, издание Кашпирева обладает своей программой, которая прорывается наружу при всяком удобном и неудобном случае, отмечали «Отечественные записки». Так, в первом номере «Зари» были опубликованы «Воспоминания и записки графини А.Д. Блудовой», в которых рассказывается о делах давно минувших дней. И вдруг среди этих благовидных воспоминаниях, практически «житиях святых» вклинивается строчка: «Даже наши малообразованные и совсем необтесанные приверженцы молодой России, поклоняющиеся, за две недели до ее падения, парижской коммуне, за ее требование, чтобы право голосования оставалось в руках городов, и лишило бы голоса этих грубых, невежественных крестьян, даже часто великие реформаторы de'Internationale, метят в олигархию, в правление меньшинства, аристократии, интеллигенции, разума. Как хороша интеллигенция, увидели мы в Париже, как основателен разум, свидетельствуют посмертные записки Герцена, так забавно разоблачающие всю несостоятельность ваших эмигрантов» и т.д. На следующей же странице, как ни в чем не бывало, продолжают «жития святых» [7]. Таким образом, «Заря» пыталась «втиснуть» между строк славянофильскую программу в совершенно непригодные для этого произведения.

Еще один пример. В том же номере «Зари» был опубликован рассказ «Плач Зайца» Генслера, который начинается так: «Когда Дарвиновы прародители были обезьянами, тогда, я, вероятно, был нигилистом, отрицал все и вся, и за это судьба в наказание обидела меня, отняла у моей фигуры все, чем пользуются другие звери — чисто на смех пустила по белому свету» [7, с. 66].

«Зарю» «Отечественные записки» сравнивают с ворчливой старухой, которая давно оказалась не у дел и даже уже прикупила себе место на кладбище, но все еще по старой привычке огрызается на прохожих. «Цельных руководящих статей «Заря уже давно не дает, не дает даже таких, какими время от времени снабжают «Русский вестник» г. П. Щебальский, г. П. Щ и просто г. Щ», — отмечают «Отечественные записки» [7, с. 67].

Содержание «Зари» также вызывает у «Отечественных записок» иронию. Помимо «жития святых», о которых говорилось выше, журнал печатает «звукотрагические упражнения». Генслер в «Плаче

Зайца» подражает воробью: «Врешь, врешь, врешь... Чирррр... Не споррь, не споррь...». Крестовский («На зимних квартирах») подражает еврейке: «Пьес ходит по ласу и увеше нюхает, нюхает за носом своим по земю...». Помещение живых нот в виде маленьких кусочков среди «житий святых и звукоподражательных произведений, наполненных безмятежным спокойствием» – это, всего лишь, предсмертные конвульсии журнала [7, с. 67].

Таким образом, «Заря» – единственный оставшийся журнал (хотя на самом деле, «Заря» уже прекратила свое существование к тому времени), еще «поминающий в своих ежемесячных молитвах западников и славянофилов, пробавляется тинь-пирвином, благолепными старцами, гашпадином спиручиком, двойником императрицы Анны Ивановны и трухлей», – заключают «Отечественные записки». Вся остальная журналистика относит себя и других к либералам, консерваторам, ретроградам, радикалам и т.п. [7, с. 67].

Выводы

Мы можем заключить, что появление «Зари» вызвало реакцию на страницах крупных современных журналов. Выход издания не прошел незамеченным: «Заре» посвящали крупные обзорные статьи и критические заметки. Также стоит отметить смелость «Зари»: журнал не боялся отстаивать свою славянофильскую позицию и публиковать произведения, которые другие издания не рискнули бы. Это относится, прежде всего, к «России и Европе» Н.Я. Данилевского и к положительным отзывам Н.Н. Страхова о «Войне и мире» Л.Н. Толстого [5]. «Россия и Европа» Данилевского впоследствии получила широкую известность и признание, однако, впервые выйти в свет ей помогла именно «Заря», поддерживающая славянофильское направление.

Но, по мнению Достоевского, сотрудничавшего с журналом и опубликовавшего в нем произведение «Вечный муж», «Заре» была присуща излишняя мягкость, отсутствие искры... «Вы слишком, слишком мягки... если б вы ... позартнее и поглубже нападали – было бы лучше», – отмечал писатель в переписке с Майковым [4, т. 29, с. 111].

Используя свой редакционный опыт и опыт журналиста, писатель дал много ценных советов журналу. Однако его предложения услышаны не были. Для укрепления позиций журнала Достоевский предлагал устранить некоторые его недостатки: малый объем, невыразительное оформление, отсутствие материалов о текущей политике, фельетонов, ежемесячных политических обзоров, полемических статей. «Заря» мало считалась с интересами читателей, была слишком академичной, придерживалась принципа «искусство ради искусства», была далека от острых, злободневных общественных и литературных вопросов. Помимо этого, «Заря» часто не выходила во время, опаздывала с очередным номером [5].

Блестящий подбор авторов «Зари» и достаточно сильный отдел критики не смог спасти издание: всплеск популярности журнала оказался недолгим. Число читателей стало неуклонно падать. В конце 1871 – начале 1872 гг. у журнала осталось лишь 700

подписчиков. Февральский выпуск издания оказался последним. Несмотря на яркий старт журнала, «Заря» угасла, просуществовав лишь три года.

Литература

1. Боград В. Журнал «Отечественные записки» 1868–1884. М., 1971.
2. Вайгачев С.А. Послесловие // Н.Я. Данилевский. Россия и Европа. М., 1991.
3. Грот К.Я. Владимир Иванович Ламанский // Исторический Вестник. 1915. №1. С. 209–210.
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1974. Т. 9. С. 277.
5. Капустина И.О. «Сотрудничество Ф.М. Достоевского с журналом В.В. Кашпирева «Заря» // Вестник Московского государственного университета. 2015. №5. С. 59.
6. Критические заметки // Заря. 1869. №7. С. 152.
7. Литературные и журнальные заметки // Отечественные записки. 1872. №5. С. 65.
8. Нечаева Г. «... Чтобы было с кем “душу отвести”» // Русское самосознание. 1998. №5. URL: (<http://russamos.narod.ru/05-05.htm>)
9. Новые книги // Отечественные записки. 1871. №5. С. 80–81.
10. Плеханов С.Н. Писемский. М., 1986.
11. Пыпин А.Н. Новые славянские исследования / О кн.: В.И. Ламанский: О славянах в Малой Азии, Африке и Испании // Современник. 1860. № 4. С. 309.
12. Страхов Н.Н. Борьба с Западом. М., 2010.
13. Страхов Н.Н. Предисловие «Жизнь и труды Н.Я. Данилевского» // Данилевский Н.Л. «Россия и Европа». СПб., 1995. С. 27–28.
14. Цимбаев Н. Славянофилы и Западники // Страницы минувшего. М., 1991. С. 329.

References

1. Bograd V. Zhurnal «Otechestvennye zapiski» 1868–1884. [Otechestvennye zapiski journal of 1868–1884]. Moscow, 1971.
2. Vaigachev S.A. Posleslovie [Epilog] N.Ya. Danilevskii. Rossiya i Evropa [N. Ya. Danilevsky. Russia and Europe]. Moscow, 1991.
3. Grot K.YA. Vladimir Ivanovich Lamanskii [Vladimir Ivanovich Lamansky]. Istoricheskii Vestnik [Historical Bulletin]. 1915, №1, pp. 209–210.
4. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t. [Complete works]. Leningrad, 1974, T. 9, pp. 277.
5. Kapustina I.O. «Sotrudnichestvo F.M. Dostoevskogo s zhurnalom V.V. Kashpireva «Zarya»» [F. M. Dostoyevsky's cooperation with V. V. Kashpirtsev's journal "Dawn". Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Moscow State University], 2015, №5, pp. 59.
6. Kriticheskie zametki [Critical notes]. Zarya [Dawn (Zarya)], 1869, №7, pp. 152.
7. Literaturnye i zhurnal'nye zametki [Literary and journal notes]. Otechestvennye zapiski [Otechestvennye zapiski], 1872, №5, pp. 65.
8. Nechaeva G. «... Chtoby bylo s kem "dushu otvesti"» ["... to have somebody "to unburden the heart"]. Russkoe samosoznanie [Russian consciousness], 1998, №5. URL: (<http://russamos.narod.ru/05-05.htm>)
9. Noveye knigi [New books]. Otechestvennye zapiski [Otechestvennye zapiski], 1871, №5, pp. 80–81.
10. Plekhanov S.N. Pisemskii [Pisemsky]. Moscow, 1986.
11. Pypin A.N. Noveye slavyanskije issledovaniya / O kn.: V.I. Lamanskii: O slavyanah v Maloi Azii, Afrike i Ispanii [New Slavic researches / About the book by V. I. Lamansky: V.I. Lamanskii: O slavyanah v Maloi Azii, Afrike i Ispanii]

About Slavs in Asia Minor, Africa and Spain]. *Sovremennik*. [The Contemporary], 1860, № 4, pp. 309.

12. Strahov N.N. *Bor'ba s Zapadom* [Fight against the West]. Moscow, 2010.

13. Strahov N.N. Predislovie «Zhizn' i trudy H. Ya. Danilevskogo» [Preface "Life and works of H. Ya. Danilevsky"].

Danilevskii N.L. «Rossiya i Evropa». [Danilevsky N.L. "Russia and Europe"]. St.-Peterburg, 1995, pp. 27–28.

14. Cimbaev N. Slavyanofily i Zapadniki [Slavyanofils and Westerners]. *Stranicy minuvshogo* [Pages of the past]. Moscow, 1991, pp. 329.

УДК 882 (075.8)

Е.О. Кириллова

Дальневосточный федеральный университет

(г. Владивосток)

МОТИВЫ УХОДА ОТ РЕАЛЬНОСТИ, СОЗЕРЦАНИЯ, ОТШЕЛЬНИЧЕСТВА В ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Б. ЮЛЬСКОГО)

Статья продолжает исследования, посвященные проблемам изучения литературы русского дальневосточного зарубежья, на примере творчества писателя Б.М. Юльского, жизнь и судьба которого были связаны с дальневосточной эмиграцией. Встреча русских эмигрантов с древней и совершенно не похожей ни на что культурной традицией Китая не могла остаться без внимания. Объектом изучения в представленной статье стало художественное произведение «Возвращение г-жи Цай», в котором на примере образа крысы-оборотня и ориентальных мотивов недеяния, созерцания, отшельничества, опикурения выявляется отражение восприятия элементов китайской культуры в творчестве русского писателя.

Борис Юльский, китайская мифология, Дальний Восток, Харбин, ориентальные мотивы и образы, мотивы созерцания, отшельничества, опикурения, оборотничества.

This article deals with problems of studying the literature of Russian Far East abroad through the example of the works of writer Boris Mikhailovich Yul'skiy whose life and destiny were firmly connected with Far East emigration. The meeting of Russian emigrants with ancient and absolutely different Chinese cultural tradition could not remain without attention. Object of studying in the article became a story «Come-back of Mrs. Tsai». The story presents the oriental image of a wererat and contains the motives of non-acting, contemplation, reclusion and opium-smoking. It reveals Yul'skiy's perception of Chinese culture elements and their reflection in his writings. Yul'skiy belonged to «the younger» generation of Harbin emigrants. From adolescence he lived with his parents in Harbin. It gave him an opportunity to get a full apprehension of Chinese culture and reflect it in a peculiar way in his «Russian» stories.

Boris Yul'skiy, Chinese mythology, Far East, Harbin, oriental motives and images, motives of contemplation, reclusion, opium-smoking, wererat.

Введение

Постепенно восстанавливается во всей сложности, полноте, насыщенности и трагичности панорама литературной жизни русского дальневосточного зарубежья, серьезное научное изучение которой оказывается не менее интересным, чем западного. Обе ветви русской эмиграции, дополняя одна другую, составили в свое время литературу «русского рассеяния», а в наши дни вошли двумя равноценными потоками в общее русло русской литературы XX–XXI вв. В этой связи очевидна актуальность изучения творчества литераторов дальневосточного зарубежья, введение в литературоведческий оборот новых ярких произведений. Особое – перспективное – направление представляет изучение прозы русских харбинцев: Арс. Несмелова, А. Хейдока, Н. Байкова, М. Щербакова, П. Северного, Я. Ловича, А. Ненцинского.

Цель данной работы состоит в исследовании одного из аспектов творчества писателя дальневосточной эмиграции Бориса Михайловича Юльского (1911–1950?), жизнь и судьба которого были связаны с Китаем. Сегодня об этом литераторе и человеке известно крайне мало. Принадлежавший к «младшему» поколению харбинских эмигрантов, Юльский, с отрочества проживавший с родителями в Харбине, полно воспри-

нял окружавшую его китайскую культуру и весьма своеобразно отразил ее в своих «русских» рассказах. Объектом изучения в представленной статье стало художественное произведение «Возвращение г-жи Цай».

Основная часть

Рассказ Юльского был опубликован в №28 харбинского журнала «Рубеж» за 1937 год и представляет собой стилизацию под китайскую фантастическую новеллу. В нем даже присутствует такая характерная для китайских новелл XVII века особенность, как ссылка на первоисточник истории, будто бы где-то слышанной автором: «Эту историю мне поведал старый китаец» [12, с. 316]. Через образ старика Цая Юльский реализует ориентальные мотивы созерцания, недеяния, отшельничества, опикурения. Тема наркотического опьянения, мотив забытья, ухода в ирреальность, затуманенного сознания проходит через всю рассказанную читателю фантастическую историю. Она воплощается в предметных словах, напрямую связанных с ритуалом курения опиума: трубка, которая была «старой и ценной. Из нее курили чьи-то деды и прадеды, и она имела вид человеческой руки, сжимавшей пальцами темную обкуренную чашечку. <...> С тех пор (со смерти жены. – Е.К.) прошло пятнадцать лет. Господин Цай курил